

PKD

PHILIP K. DICK

EYE IN THE SKY

ФИЛИП К. ДИК

ОКО НЕБЕСНОЕ

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д45

Philip K. Dick
EYE IN THE SKY

Copyright © 1957, A. A. Wyn
Copyright renewed © 1985,
Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Dick

Перевод *Вадима Кумока*

Дик, Филип Киндред.
Д45 Око небесное / Филип К. Дик ; [перевод с английского
В. Кумока]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-203551-7

Во время осмотра достопримечательностей в Бельмонте Джек Хэмилтон вместе с семью другими людьми оказывается в эпицентре катастрофы. Придя в сознание, он выясняет, что попал в мир могущественных пророков и ветхозаветной морали, где всех, кого окружающие считают неверными, ожидает немедленное проклятие и смерть. Хэмилтон разрабатывает план, как ему и остальным жертвам аварии выбраться из этого мира и вернуться в свой собственный: сначала они должны пройти через три другие фантастические вселенные. Только они не знают, что каждая следующая из реальностей более опасна и безумна, чем предыдущая.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-203551-7

© Кумок В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

1

ПРОТОННЫЙ ДЕФЛЕКТОР-ОТРАЖАТЕЛЬ белмонтского Беватрона подвел своих создателей в четыре часа дня второго октября 1959 года. Дальше все случилось мгновенно. Не контролируемый более отражателем луч с энергией 6 гигаэлектронвольт ударил в потолок зала, попутно испепелив наблюдательную площадку, расположенную над гигантским кольцеобразным магнитом.

В этот момент на площадке находилось восемь человек — группа туристов и экскурсовод. Лишенные опоры под ногами, люди рухнули на пол зала Беватрона и лежали там с переломами и сотрясениями, пока магнитное поле не отключилось и жесткое излучение не прекратилось.

Четверым из этой восьмерки потребовалась госпитализация. Двое, получившие ожоги меньшей степени, остались под наблюдением на неопределенный срок. Оставшихся осмотрели, им оказали амбулаторную помощь и отпустили. Местные газеты Сан-Франциско и Окленда сообщили о происшествии. Адвокаты пострадавших приступили к составлению исков. Кое-кто из

чиновников, отвечавших за Беватрон, вылетел прямо на помойку; туда же отправились отражающая система Уилкокса — Джонса и ее энтузиасты-изобретатели. Рабочие начали ремонт физических повреждений.

Все происшествие уложилось в считанные минуты. В четыре часа ровно отражатель дал дуба, а в две минуты пятого восемь человек уже летели с восемнадцати метров вниз сквозь фантастически заряженный энергетический луч, исходивший из круглой внутренней камеры магнита. Первым падал молодой негр-экскурсовод; он же первым и грохнулся на пол. Последним оказался на полу молодой инженер с соседнего ракетного завода — когда группу завели на смотровую площадку, он откололся от своих спутников и повернул обратно в коридор, роясь в карманах в поисках сигарет.

И возможно, не прыгни он вперед в попытке поймать падающую жену, он бы и не свалился вниз со всеми остальными. Последним, что он ясно помнил, была выпадающая из рук сигаретная пачка и безумный бросок вперед — туда, где, дрожа, исчезал в пустоте рукав Марши...

Все утро Хэмилтон провел в своей ракетной лаборатории. Делать он ничего не мог — только точить карандаши и страдать от неизвестности. Его персонал вокруг занимался обычными делами, корпорация жила своей жизнью. К обеду явилась Марша, улыбающаяся и прекрасная, стильная и модная, словно ручная утка в парке «Голден Гейт». Его мрачный ступор мгновенно рассыпался под воздействием этого душистого и весьма недешевого маленького существа, которое ему посчастливилось заарканить и которое он ценил даже выше, чем свою

хай-фай звуковую систему и свою коллекцию хорошего виски.

— Чего опять? — спросила Марша, присев на уголок его стола из броневой стали. Ладони ее в перчатках были плотно сложены вместе, зато стройные ножки беспокойно выплясывали. — Пойдем быстренько пообедаем, и двинули. Сегодня первый день работы этого отражателя, ты же сам хотел на него посмотреть. Забыл, что ли? Ну, готов?

— Я в газовую камеру готов, — резко ответил Хэмилтон. — И она для меня тоже почти уже готова.

Карие глаза Марши расширились; ее веселое оживление сменилось на серьезный, даже драматический тон.

— Ты о чем? Опять что-то секретное, о чем рассказывать нельзя? Милый, ты не говорил, что сегодня у тебя что-то важное. За завтраком ты дурачился и подпрыгивал, как щенок, разве что не тьякал.

— За завтраком я еще не знал. — Взглянув на наручные часы, Хэмилтон безрадостно поднялся на ноги. — Да, давай поедим как следует. Возможно, напоследок. И возможно, это последняя экскурсия, на которую я отправлюсь.

Но он не успел добраться до выхода с территории, не говоря уже о ресторане за охраняемой зоной. Его остановил посыльный в форме, протягивающий аккуратно сложенную распечатку.

— Мистер Хэмилтон, это вам. Полковник Эдвардс приказал передать.

Дрогнувшими руками Хэмилтон развернул бумагу.

— Ну, — мягко сказал он жене, — вот оно. Пойди посиди на веранде. Если я не вернусь в течение часа,

ступай домой и пообедай консервированной свиной с бобами.

— Но как же так? — беспомощно взмахнула она руками. — Ты так говоришь... мне страшно. Ты знаешь, что там?

Да, он знал. Наклонившись к жене, он поцеловал ее в алые, влажные и слегка дрожащие губы. А затем направился широким шагом вслед за посыльным в штаб-квартиру полковника Эдвардса, в те комнаты для совещаний на высшем уровне, где уже торжественно заседало все руководство компании.

Когда он уселся, то сразу почувствовал вокруг себя густой, богатый оттенками запах бизнесменов среднего возраста: сочетание сигарного дыма, дезодоранта и дорогого обувного крема. Над длинным стальным столом тут и там звучали негромкие разговоры. Во главе стола сидел сам старина Эдвардс, за бруствером из огромной кучи докладов и формуляров. Строго говоря, у каждого чиновника был свой окопчик из оправдательных бумаг, раскрытого дипломата, пепельницы и стакана с теплой водой. Напротив полковника Эдвардса грузно восседала еще одна фигура в форме — Чарли Макфайф, глава службы безопасности, чьи сотрудники шныряли по ракетному заводу, выискивая русских агентов.

— А вот и ты, — пробурчал полковник Эдвардс, строго глядя на Хэмилтона поверх очков. — Много времени не отнимем, Джек, — у нас сегодня один-единственный пункт на повестке дня; тебе не придется торчать здесь по чужим вопросам.

Хэмилтон ничего не ответил. Он сидел в напряженном ожидании, на лице его читалось волнение.

— Так вот, речь о твоей жене, — начал Эдвардс, облизнув палец и перелистав какой-то доклад. — Я так понимаю, что с тех пор, как Сазерленд уволился, ты возглавляешь наш исследовательский отдел. Верно?

Хэмилтон кивнул. Его ладони, лежащие на столе, побледнели. «Словно я уже умер», — подумал он горько. Словно уже висел на виселице, которая выдавила из него всю жизнь и веселье. Висел, словно какая-то колбаса в темноте подвала.

— Твоя жена, — гулким голосом продолжил Эдвардс, в то время как его пигментированные ладони вздымались и падали, пролистывая страницы, — была определена как представляющая угрозу для предприятия. Вот у меня здесь доклад. — Он кивнул в сторону капитана заводской полиции. — Макфайф представил этот доклад. Я бы добавил: *неохотно* представил.

— Чертовски неохотно, — вставил Макфайф, обращаясь прямо к Хэмилтону. В его жестких серых глазах читалась мольба о прощении. Хэмилтон с каменным лицом проигнорировал его.

— Ты, конечно, — снова загремел Эдвардс, — знаешь, как устроена здесь безопасность. Мы частный концерн, но нашим покупателем является государство. Никто не покупает ракет, кроме Дяди Сэма. Поэтому нам надо быть начеку. Я ставлю тебя в известность об этом, чтобы ты мог сам решить эту проблему. Это в первую очередь твоя проблема. Для нас это важно только потому, что ты возглавляешь наши исследовательские лаборатории. Таким образом, это становится и нашим делом. — Он разглядывал Хэмилтона так, словно видит его в первый раз, — несмотря на то что лично нанял его еще в 1949-м,

целых десять лет назад, когда Хэмилтон был молодым, талантливым, подающим большие надежды инженером-электронщиком с новеньким дипломом MIT.

— Значит ли это, — мрачно поинтересовался Хэмилтон, уставив взгляд на свои сжимающиеся и разжимающиеся кулаки, — что Марше закрыт доступ на завод?

— Нет, — ответил Эдвардс, — это значит, что тебе будет закрыт доступ к засекреченным материалам до тех пор, пока ситуация не изменится.

— Но это значит... — Голос Хэмилтона растаял в потрясенной тишине. — Это же все материалы, с которыми я работаю.

Никто не ответил. Все управленцы компании попрыгали по своим окопам, скрылись за бумагами. Лишь из угла доносился легкий звон кондиционера.

— Да будь я проклят, — внезапно произнес Хэмилтон, очень громко и четко. Формуляры удивленно зашелетели. Эдвардс искоса с любопытством глянул на него. Чарли Макфайф зажег сигару и нервно пригладил тяжелой ладонью свои редующие волосы. В своей простой коричневой униформе он был неотличим от обычного дорожного патрульного с толстым брюхом.

— Предъявите ему обвинения, — сказал Макфайф. — Дайте ему шанс побороться, полковник. Есть же у него *какие-то* права!

Какое-то время полковник Эдвардс сражался с грудой информации в рапорте безопасников. Потом, побагровев от напряжения, он просто толкнул весь рапорт целиком через стол к Макфайфу.

— Ваш департамент составил это, — пробурчал он, явно желая умыть руки, — вы ему и скажите.

— Вы что, собираетесь зачитать это прямо здесь? — запротестовал Хэмилтон. — Перед тремя десятками людей? В присутствии всех до единого управленцев компании?

— Все они видели этот доклад, — сказал Эдвардс беззлобно. — Его составили уж с месяц назад, и с тех пор он ходил тут по рукам. В конце концов, мой мальчик, ты здесь важная персона. Мы бы не подошли к этому вопросу спустя рукава.

— Начать с того, — сказал Макфайф, явно смущенный, — что все это добро мы получили от ФБР. Это их работа.

— По вашему запросу? — едко осведомился Хэмилтон. — Или, может, этот доклад просто шлялся по стране туда-сюда, пока не напоролся на вас?

Макфайф покраснел.

— Ага, мы запросили. Рутинная проверка. Боже, Джек, там есть досье даже на *меня* — да даже на президента Никсона есть!

— Нет нужды читать весь этот мусор, — сказал Хэмилтон взволнованно. — Марша вступила в Прогрессивную партию еще в 48-м, еще первокурсницей в колледже. Она перечисляла деньги Комитету помощи испанским беженцам. Она была подписана на журнал «*На самом деле*». Все это я уже слышал раньше.

— Прочитай новые материалы, — велел Эдвардс.

С трудом пробираясь сквозь доклад, Макфайф отыскал сводку о текущей ситуации. «Миссис Хэмилтон вышла из Прогрессивной партии в 1950-м. «*На самом деле*» больше не выпускается. Однако в 1952-м она посетила собрания «Калифорнийских профессий, ремесел

и наук» — а это подставная организация с прокоммунистическими взглядами. Она подписала Стокгольмское воззвание и вступила в Союз гражданских свобод, который многими считается пролевым».

— Что вообще означает «пролевым»? Что это за слово? — воскликнул Хэмилтон.

— Это означает «симпатизирующий группам или личностям, которые симпатизируют коммунизму». — Макфайф трудолюбиво продолжил дальше: — Восьмого мая 1953 года миссис Хэмилтон написала в «Сан-Франциско кроникл» письмо, в котором протестовала против запрета Чарли Чаплину на въезд в США — а он весьма известный попутчик коммунистов. Она также подписала обращение «Спасти Розенбергов!» — осужденных изменников. В 1954 году она выступала перед Лигой женщин-избирателей Аламеда, ратуя за допуск в ООН Красного Китая — коммунистической страны. В 1955-м она вступила в оклендское отделение организации «Сосуществование или смерть», которая также имеет свои отделения в странах железного занавеса. А в 1956-м она пожертвовала деньги Ассоциации содействия прогрессу цветного населения. — Он озвучил цифру: — Сорок восемь долларов и пятьдесят пять центов.

Повисла тишина.

— Это всё? — поинтересовался Хэмилтон.

— Да, это весь материал, имеющий отношение к делу.

— А не сказано ли там еще, — Хэмилтон отчаянно пытался говорить спокойно, — что Марша была подписана на «Чикаго трибьюн»? Что она участвовала в избирательной кампании Эдлая Стивенсона в 1952-м? А в

1958-м она перечисляла деньги Обществу за гуманное отношение к собакам и кошкам?

— Я не понимаю, как это относится к делу, — нетерпеливо ответил Эдвардс.

— Это дополняет картину! Да, Марша была подписана на «*На самом деле*» — но еще она была подписана на «*Нью-Йоркер*». Она вышла из Прогрессивной партии одновременно с Уоллесом — и вступила в «Молодые демократы». Там ничего об этом нет? Да, ей было интересно узнать больше о коммунизме — но разве это делает ее коммунистом? Вы говорите всего лишь, что Марша читает левые журналы и слушает левых ораторов, но ведь это не значит, что она поддерживает коммунизм, или придерживается партийной дисциплины, или выступает за революционный переворот, или...

— Мы и не говорим, что твоя жена является коммунистом, — заметил Макфайф. — Мы говорим о том, что она представляет собою риск с точки зрения безопасности. И вероятность того, что Марша — коммунист, все же *существует*.

— Господи боже мой, — бессильно произнес Хэмилтон, — так что, мне надо доказать, что она *не* коммунист?

— Вероятность этого существует, — повторил Эдвардс. — Джек, ну приди же в себя, кончай уже это нытье. Может, Марша и красная, а может, и нет. Дело-то не в этом. У нас тут материал, который доказывает, что твоя жена увлечена политикой — и причем радикальной политикой. И это нехорошо.

— Марша увлечена вообще всем на свете. Она умная и образованная личность. И у нее в достатке свободного времени, чтоб интересоваться тем, чем она захочет.

Или ей надо сидеть дома и просто... — Хэмилтон замялся, подыскивая слова, — и просто пылесосить свою мантилью?¹ Готовить ужин, шить и снова готовить?

— У нас здесь прослеживается некая закономерность, — сказал Макфайф. — Надо признать, что по отдельности приведенные факты ни на что не указывают. Но когда сложишь их вместе и сравнишь со статистическим средним... Джек, ну это просто-напросто чересчур. Твоя жена участвует в слишком уж многих пролевых движениях.

— Это обвинение основано на косвенных уликах. Она любопытна, заинтересована многим. Разве ее участие означает, что она *согласна* с тем, что там говорят?

— Мы не можем заглянуть в ее голову — но ведь и *ты* тоже не можешь. Мы можем судить лишь по ее поступкам — группы, в которые она вступает, петиции, которые она подписывает, деньги, которые она перечисляет. Это все, что у нас есть, и мы *должны* исходить только из этого. Ты говоришь, что она посещает эти собрания, но не согласна со взглядами, что там преобладают. Ну хорошо, давай вообразим полицейский налет на стриптиз-клуб. Понятно, что девушки и персонал будут арестованы. Но представь, что вся аудитория заявит, что шоу ей не понравилось — так что ж, их отпускать теперь? — Макфайф развел руками. — А что они там делали, если шоу им не нравилось? Ну ладно,

---

¹ М а н т и л ь я — элемент национального испанского женского костюма, длинный шелковый или кружевной шарф-вуаль, который обычно надевается поверх высокого гребня, вколотого в прическу, и падает на спину и плечи.

один раз. Из любопытства. Но не раз за разом, не одно за другим.

Твоя жена замешана в пролевых группах с восемнадцати лет — она состоит в них десять лет подряд. У нее было более чем достаточно времени определиться в своем отношении к коммунизму. Но она все еще ходит на эти шоу, так сказать, — как только какая-нибудь коммунистическая группа организует протест против линчевания где-то на Юге или против нового военного бюджета, так она тут как тут. Как по мне, тот факт, что Марша читает еще и «*Чикаго трибьюн*», оправдывает ее не более, чем посетителя стриптиза тот факт, что он ходит еще и в церковь. Да, это доказывает, что люди многогранны, и часто грани эти противоречат одна другой... но факт остается фактом, и одна из этих граней включает в себя наслаждение греховным, запретным, порочным. И этот человек попадает на карандаш не за то, что он ходит в церковь, а за то, что он любит порок и ходит смотреть на порок.

И на девяносто девять процентов твоя жена может быть настоящей американской патриоткой — хорошо готовит, аккуратно водит, честно платит подоходный налог, тратит деньги на благотворительность, печет пироги для церковных раздач. Но один-единственный оставшийся процент может связывать ее с Коммунистической партией. И этого достаточно.

Подумав мгновение, Хэмилтон был вынужден признать:

— Да, ты неплохо все изложил.

— Работа такая. Я вас с Маршей знаю с первого дня твоей работы здесь. И люблю вас — да и Эдвардс любит.